

103361

А. Ветуховъ.

ПРОШЛОЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

И ОСНОВЫ СТРОЕНИЯ

СЛОВА и РЪЧИ.

(для 4-го класса средне-учебныхъ заведений
и для самообразования).

(по новой программѣ).

Цѣна 40 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.

1913.

**Нѣкоторыя изъ статей того же автора съ указа-
ніемъ главнѣйшихъ отзывовъ печати о нихъ.**

I. „Языкѣ, поэзія и наука“. Харьк. 1892 г. Ц. 25 к.

Отзывы:

- 1) „Харьковскія Вѣдомости“ 1894 г.
- 2) „Южный Край“ 1894 г.
- 3) „Литературное Обозрѣніе“ 1895 г.
- 4) „Русск. Мысл.“ 1896 г. кн. IX.
- 5) „Ж. М. Н. П.“ 1909 г. кн. IV.

II. „Основные вопросы литературной критики“. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

III. „А. А. Потебня“ Варш. 1898 г. Ц. 50 к.

IV. „Философскіе вопросы при свѣтѣ языка“. Варш. 1899 г. Ц. 20 к.

V. „Заговоры, зиклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основан-
ные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). В. I. — II. Варшава. 1907 г.
Ц. 4 р. (Отдѣльно ч. I-я ц. 1 р. и ч. II. ц. 3 р. остались въ очень огранич.
количествѣ лишь у автора).—Академіей наукъ удостоено почетнаго отзыва.

- 1) Въ „Трудахъ XIII Археологическ. Съѣзда“ (Москва 1907)—проф. Сумцова.
- 2) Въ „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія“ (за 1908 г.)—проф. Грунскога.
- 3) Въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“ (за 1908 г., т. XIII, кн. 3)—проф. Мансикки.
- 4) Въ „Живой Старинѣ“ (за 1908 г., вып. III)—академика Соболевскаго.
- 5) Въ „Изидѣ“ за 1909 г., ноябрь.
- 6) Въ „Revue de tradit. populaires“ за 1909 г.
- 7) Въ „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde“ за 1909 г.
- 8) Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (о присужденіи Академіей Наукъ почет-
наго отзыва) за 1909 г.

Кромѣ того—нѣсколько газетныхъ рецензій и замѣтокъ.

VI. „Начатки русской грамматики (Синтаксисъ и этимологія)“. Харьковъ 1909 г.
Ц. 30 к.—Допущена въ библиот. кадетскихъ корпусовъ.

- 1) Въ „Журналѣ М. Н. Просвѣщенія“ за 1909 г., апрѣль—А. П. Налимова.
- 2) Въ томъ же журналѣ 1909 г. за іюль—И. О. Анненскаго.
- 3) Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1909 г. кн. V—П. А. Флоренскаго.
- 4) Въ „Русской Школѣ“ за 1809 г., кн. 6—7 и
- 5) Нѣсколько газетныхъ рецензій и замѣтокъ.

VII. „Жизнь слова“ (Основы теоріи слевесности для школы и самообразованія).
Харьковъ, 1910 г. Ц. 20 к.—Рекомендована въ библиот. кадетск. корпусовъ.

- 1) „Южный Край“ 1910 г.
- 2) „Земщина“ 1910 г.
- 3) „Тифлискій листокъ“ 1910 г.
- 4) „Вѣстникъ знанія“ 1910 г. № 9.
- 5) „Народное образованіе“ 1910 г. IX.
- 6) „Русская школа“ 1910 г. кн. XI и
- 7) „Русскій филол. Вѣстникъ“ за 1912 г. кн. 1—2.

Получать можно отъ автора (Харьковъ, Лермонтовская ул., № 18, с. д.) и въ
лучшихъ книжныхъ магазинахъ.—Выписывающіе отъ автора на сумму не менѣ
3 рублей пользуются безплатной пересылкой.—Для учебныхъ заведеній при безпл.
пересылкѣ скидка отъ 10 до 25% въ зависимости отъ количества

МАРКІН-КОНКІН, Олексій.
...Як планувати господарську діяльність спожив-
чого товариства? 2. вид... [Харків], "Книго-

спілка", [1929].
124 с. 26 см. 5.000 пр. Крб. 1.20.

Бібліографія: "Інші книжки про планування": с. 118—119.
"Оповід. Вукопсипки рекомендував, як поради для членів прав-
ління керівників та рахівників сільських споживчих т-ств, а також для
інспекторів райспоживспілок. Держ. наук.-метод. ком. НКО УСРР...
дозволив перше вид. до вжитку, як посібник для заочних кооп. кур-
сів Книгоспілки".

1. Кооператія споживча на Україні.

III—
Уч. посібн.

29-1960

Картковий реєстр видань УСРР

Українська Книжкова Палата. Харків

334
M28

А. Ветуховъ.

*Дорогому
Андрею Сергеевичу
Возвращаю
мнѣ добро помню
вашъ подарок.
1913, X, 12.*

ПРОШЛОЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

И ОСНОВЫ СТРОЕНИЯ

СЛОВА и РѢЧИ.

(ДЛЯ 4-ГО КЛАССА СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ).

(ПО НОВОЙ ПРОГРАММѢ).

Цѣна 40 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.

1913.

58

120

А. Ветухов.

ПРОШНОЕ РОДНОГО РЫКА

И ОСНОВЫ СТОЕИИ

СЛОВА И РЫН.

ИЛИ ИТО КЛАССА СРЕДНЕ-АФЕРИХЪ ЗАВЕДЕНИИ
ИЛИ СМОСРОВАНИИ

ИЛИ НОВОИ ПРОПРАМИИ

Родина Ане...
УКРАИНО...

ПОД ОФ. БИД

ЦНБ ХНУ им. В. Н. Каразина
2011 р.

ХАРКОВ.

1913

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій опытъ авторъ выпускаетъ въ свѣтъ сначала лишь въ 1-й части (теоретической), наиболѣе отвѣтственной, такъ какъ для 2-й части (образцы и примѣры) и матеріаль указанъ отчасти программой Министерства Народнаго Просвѣщенія, да и имѣется онъ уже въ готовомъ видѣ, —необходимъ лишь вдумчивый, тщательный подборъ и такая же редакція его. Первая же часть должна явиться въ значительной мѣрѣ,—по крайней мѣрѣ по формѣ, по приѣмамъ изложенія,—чѣмъ-то новымъ.

Отношеніе къ этой части педагогическаго міра и вообще критики и читателей скажетъ, нужно ли выпускать въ свѣтъ 2-ю часть. Намъ она представляется связанною съ первою главнымъ образомъ единствомъ обложки—въ качествѣ одной цѣлой книги, что быть можетъ и съ технической стороны будетъ представлять менѣе удобствъ для пользующагося. Безъ нея 1-я часть легче (по доступности въ цѣнѣ и при маломъ объемѣ) можетъ пойти на широкій и разносторонній судъ общественный, столь важный и необходимый, когда затѣвается нѣчто, близко касающееся жизни школы, и особенно ея переустройства.

І. Русскій языкъ.

§ 1. Современный русскій языкъ на широкомъ протяженіи Россіи не однороденъ по составу. Языкъ—наилучшій выразитель личности, индивидуальности, особенности говорящаго. Неудивительно, что русскій языкъ, какъ всякій живой, развивающійся организмъ состоитъ изъ множества (иногда очень далекихъ другъ отъ друга, мало понимаемыхъ представителями наиболѣе отдаленныхъ) говоровъ (каждая почти деревня, даже семья, можетъ имѣть свой говоръ), поднарѣчій и нарѣчій.—Каждый изъ этихъ „малыхъ“ языковъ имѣетъ общерусскія черты въ основѣ и множество мѣстныхъ охватывающихъ большій или меньшій районъ (могущихъ потомъ переходить, къ „сосѣдямъ“, а равно заимствовать кое-что и у нихъ; здѣсь все живо, все смѣшивается и возрождается по-новому). При такомъ положеніи дѣлъ всякое дѣленіе на группы, всякая классификація (необходимая для болѣе быстрого и удобнаго „освоенія“ съ предметомъ) должна быть искусственной, съ натяжками (большими или меньшими). Проще всего говорить о 2 группахъ (по наибольшему количеству типичныхъ различій): сѣвернорусской и южнорусской (или малорусской), но обычно принято въ наше время различать **три** группы нарѣчій: великорусское, бѣлорусское (тѣсно примыкающее къ 1-му) и малорусское. Эти нарѣчія въ свою очередь могутъ быть разбиты на цѣлый рядъ поднарѣчій и говоровъ. Такъ, въ нынѣшнемъ **великорусскомъ** языкѣ (нарѣчіи) различаются нарѣчія (или поднарѣчія): сѣверновеликорусское (бѣлорусское) и южновеликорусское (малорусское), а **малорусскій** языкъ—нарѣчіе въ свою очередь распадается на сѣверно-малорусское нарѣчіе—поднарѣчіе (въ Сѣдлецкой и частяхъ Черниговской, Кіевской и Гродненской губ.) и южномалорусское съ поднарѣчіями—говорами: украинскимъ, галицкимъ (русинскимъ) и проч. *).

§ 2. Еще въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка (XI—XIV вв.) различались говоры (новгородскій, кіевскій, галицкій, волынскій, смоленскій и др.), то усиливавшіеся, то отступавшіе на задній планъ въ связи съ тѣмъ, какая часть Руси занимала авангардъ власти. Въ связи съ этими главнымъ образомъ государственно-политическими условіями по направленію къ настоящему все болѣе выдвигался московскій говоръ; изъ него на почвѣ южно-великорусскаго нарѣчія съ примѣсю нѣкоторыхъ особенностей (въ согласныхъ) сѣверно-великорусскаго нарѣчія развился нынѣшній

*) Территориальное распредѣленіе ихъ (въ общихъ чертахъ) указываетъ преподаватель на картѣ.

общенародный или общегосударственный русский **литературный** языкъ (точнѣ бы его называть **общерусскимъ**) съ умѣреннымъ аканьемъ, болѣе богатый въ сравненіи съ другими говорами въ синтактическомъ и словарномъ отношеніи. Этимъ языкомъ (не вполнѣ чисто, съ индивидуальными говорными примѣсами) говоритъ (а главнымъ образомъ пишетъ) такъ назыв. интеллигенція,—это языкъ (нѣсколько искусственный уже) образованнаго общества по-преимуществу. Въ него вошли между прочимъ и нѣкоторые звуковые, формальные и лексическіе элементы языка церковно-славянскаго.

§ 3. Русский языкъ примыкаетъ къ такъ называемой индоевропейской семьѣ языковъ (въ н. время—наиболѣе культурной), точнѣе и ближе—къ языкамъ балтійскимъ (др.—прускій, литовскій и латышскій), въ близкомъ родствѣ съ коими стоятъ всѣ славянскіе языки.—Славянская вѣтвь имѣетъ три колѣна—группы: западную (чешскій, польскій и др.), восточную (русскій съ нарѣчіями, указанными выше) и южную (болгарскій, сербохорватскій или сербскій и др.). Къ послѣдней группѣ (ближе къ болгарскому, почему онъ и назыв. иногда и древне-болгарскимъ) примыкаетъ и древнѣйшій представитель славянской семьи (на который Кириллъ и Меводій перевели въ IX в. св. писаніе и богослужебныя книги)—**древне-церковно-славянскій** (лучше называть его **старославянскимъ**) въ отличіе отъ языка современныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, сильно обрусѣвшаго, просто церковно-славянскаго.

§ 4. Такъ родилось для русскаго языка два основныхъ источника питанія и взаимодѣйствія: языкъ книжный (первоначально лишь богослужебный) и языкъ народный—живая рѣчь. И тотъ и другой зажили своей особой жизнью, но оказали огромное вліяніе и другъ на друга.—Старославянскій сталъ церковнымъ языкомъ всѣхъ славянъ (какъ латинскій для католиковъ даже различныхъ національностей и языковъ). Переписчики священныхъ книгъ (болгары, сербы и русскіе) при перепискѣ невольно вносили въ списки особенности своихъ нарѣчій (проще говоря, „дѣлали ошибки“), вслѣдствіе чего уже старославянскіе тексты получились въ разныхъ редакціяхъ („изводахъ“): русской, сербской и проч. Съ теченіемъ же времени старославянскій языкъ принималъ въ себя все болѣе и болѣе особенностей живого мѣстнаго (напримѣръ, русскаго) языка. Такъ съ одной стороны образовался новый церковный (книжный) языкъ, а съ другой слова и формы древняго языка все глубже и глубже внѣдрялись въ языкъ народномъ (полагая фундаментъ—основу языку письменному свѣтскому, нынѣ литературному, общерусскому). Не менѣе кипѣла и жизнь языка народнаго живого: росла территория Руси, горы и долины отмежевывали части народа, раньше говорившія почти одинаково,—росли и особенности живой рѣчи; обособлялись болѣе или менѣе крупныя государственныя единицы (города, княжества, великокняжества, царства и проч.) и все болѣе далекими, почти чуждыми другъ другу по языку становились обитатели

этихъ естественно и искусственно замыкавшихся круговъ; такъ образовались и очень рано многочисленные русскіе говоры и нарѣчія. (Такъ Новгородская, обособленная природными условіями, „вольница“ очень рано выработала рѣзко отличный говоръ. Это разобщеніе способствовало богатству языка, его мощи: изъ многихъ ручейковъ и рѣченوکъ образуются полноводныя рѣки. Такъ изъ многочисленныхъ мѣстныхъ говоровъ выросъ „великій, могучій русскій языкъ“, съ его крупнѣйшими (вышеуказанными) нарѣчіями. Изъ нарѣчій къ литературному болѣе близко **великорусское**, (точнѣе **южновеликорусское**), типичныя особенности коего таковы: **е** переходитъ (подъ удареніемъ) въ **о** (ѣ), напримѣръ, село—сѣла, плету—плѣлъ; въ именительномъ множественнаго существительныхъ новая флексія **а** (я) (вмѣсто **ы—и**) напримѣръ, лѣса, городá, лѣкарjá; въ именительномъ единственнаго прилагательныхъ мужскаго рода новая флексія **ой** (вмѣсто **ый** или **ій**), напримѣръ, слѣпой, хромо́й. Оно распадается на двѣ вѣтви: **сѣверновеликорусское** (окающее), въ коемъ неударяемый гласный (**о** или **е**) произносится какъ яркое протяжное **о** (хорошо, жона, и пр.), **ѣ** произносится какъ **и** (спитъ на сини, на подушки и пр.), согласные **ц** и **ч** стоятъ обратно мѣстоположенію ихъ въ общерусскомъ (черковъ, чапля, цай и проч.), и наоборотъ, вопреки наиболѣе распространенному въ народной рѣчи окончанію 3-го лица единственнаго числа—**ть**, здѣсь встрѣчаемъ литературное—**ть**, (береть, даётъ и пр.),—и **южновеликорусское** (акающее). Въ послѣднемъ неударяемое **о** замѣняется большей частью явственнымъ **а** (вада, харашо), иногда и звукомъ въ родѣ **ы** (чылавѣкъ или чѣлавѣкъ), **г** произносится какъ **h** [тогда какъ въ сѣверномъ и общерусскомъ (кромѣ „Богъ, Господь, когда, тогда“) — **g**], **е** и **я** безударные часто близки къ **и** (иво, питакъ), **у** и **в** чередуются необычно для общерусскаго (хлѣбы сидять **у** печкѣ, лапата стаить **въ** дерева), въ 3 л. ед. ч. н. в.—**ть** (онъ дереть, онъ спить). **Бѣлорусское** нарѣчіе наиболѣе близко къ этому послѣднему: оно акающее, **г** въ немъ произносится какъ **h**; **л** иногда близко къ краткому **у** (воукъ, поуны, прасиу, биу), но есть и особенности (правда не чуждыя и нѣкоторымъ отдѣльнымъ говорамъ великорусскимъ): **д** произносится какъ **дз** (дзенти=деньги) и **т**—какъ **ц** (цетка=тетка), **р** произносится твердо (румка, трапка).

Болѣе обособленно **мапорусское** нарѣчіе: на мѣстѣ **ѣ** здѣсь почти всегда особенное отличное отъ сѣв.-великор., острое, **і** (діло, віра), иногда, въ началѣ слова съ **j=і**, наприм., „іхати“, зато **ы** общерусское отсутствуетъ и сливается въ произношеніи съ **и** (нѣсколько болѣе твердомъ сравнительно съ литер.) „жити“ (жить), „мити“ (мыть), лихо, лико, и наоборотъ **е** всегда твердое (дѣрево), на мѣстѣ **е** и **о** или **і** или двойные звуки **уо, іе** (вильт, пічь и вуоль, піечь), согласные при **и** и **е** тверды (сѣстра, ходыты); въ 1-мъ л. мн. ч.—**мо** (хотя рядомъ и **мъ** напр., просимъ; въ 3 л. ед. ч. наст. времени нѣтъ б. ч. ни **ть**, ни **тъ** (вінь берэ, даё и пр.) хотя

„горыть“, „вѣзметъ“; но „гаканье“ (г=h) и чередованіе у и в сближаетъ его съ ю—в. и бѣлор., какъ „ѣканье“ (і вмѣсто ѣ)—съ сѣверовеликорусскимъ.

§ 5. Во многихъ случаяхъ звуковыя особенности (фонетическія), выработавшіяся постепенно у представителей отдѣльныхъ говоровъ въ силу климатическихъ, личныхъ, общественныхъ, государственныхъ и другихъ условій, влекли за собою невольно и смѣшеніе формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ, (такъ наз. морфологіи), что, конечно, въ свою очередь не оставалось безъ вліянія на звуковой сторонѣ (желаніе избѣгать двусмысленности, легче выходить изъ напряженнаго состоянія мысли нерѣдко заставляло мѣнять одинъ звукъ на другой или присоединять новый или опускать одинъ изъ раньше произносившихся и т. д.). Вотъ тутъ—то писанныя (книжныя) формы словъ сыграли очень видную роль, можетъ быть главнымъ образомъ потому, что ихъ отраженія на живой рѣчи легче прослѣдить, чѣмъ взаимодействія живыхъ нарѣчій и говоровъ. Древнѣйшіе памятники нашей книжности, (т. е. съ древнѣйшими русскими особенностями), впервые закрѣпившіе русскіе изводы старославянскаго языка, относятся къ XI вѣку: это такъ называемое „Остромирово Евангеліе“ (потому что было переписано для новгородскаго посадника Остромира въ 1056--57 г.г.) и 2 Святославовыхъ сборника (1073 и 1076 г.г.)

Изучая языкъ этихъ (и позднѣйшихъ) памятниковъ, сравнивая его съ памятниками другихъ изводовъ старославянскаго языка (Зографское, Маріинское Евангеліе и др.), и съ живымъ и современнымъ общерусскимъ языкомъ, ученые подсмотрѣли извѣстные законы этихъ звуковыхъ смѣнъ и переходовъ, увидѣли нѣкоторые постоянные своего рода приливы и отливы въ этой вѣчно движущейся и измѣняющейся лавинѣ звуковъ, словъ, формъ и смысловъ языка.

Все отмираетъ постепенно, сначала старое, потомъ болѣе молодое (новое), если, конечно, нѣтъ болѣзни, эпидеміи, нарушающей законность и нормальность теченія жизни. Такъ и въ языкѣ. Въ пору закрѣпленія на письмѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ старославянскаго (общаго почти для всѣхъ славянъ того времени) языка, въ этомъ языкѣ живы были **носовые звуки** ѡ (I-ѡ)=он (јон) и ѣ (I-ѣ)=ен (јен) (они сохранились во всей яркости въ другой родственной, хотя и сравнительно отдѣленной, вѣтви арійскихъ языковъ—въ современномъ французскомъ, въ нѣкоторой мѣрѣ—и въ ближайшей—въ современномъ польскомъ—напр., *дубъ*, *гѣса*=рука). Для древне-русскаго же языка, современника хотя бы Остромирова Евангелія, они уже были явленіемъ отмиравшимъ, но закрѣпленнымъ въ священныхъ образцахъ, которые было обязательно списывать точно. Получалось написаніе одно, а чтеніе этихъ словъ у понимающаго и внимающаго въ то, что онъ читаетъ,—иное, свое. Началась постепенно невольная замѣна этихъ знаковъ (отмершихъ звуковъ) новыми (вступившими исподволь въ полное владычество). На мѣстѣ ѡ (I-ѡ) появляются все

чаще наиболѣе близкіе къ нему фонетически **у** (**ю**), на мѣстѣ **ѡ** (**і-ѡ**)—**а** (**я**),— сначала на письмѣ, а потомъ и въ рѣчи: вѣдь языкъ церкви, религіи (постепенно все болѣе вросавшей въ жизнь народа) не могъ оставаться безъ вліянія на языкъ обиходный

Какимъ же путемъ обычно идетъ это отмираніе? Сложное цѣлое сначала распадается на свои составныя части, а эти части или пропадаютъ постепенно совсѣмъ или замѣняются подходящими, болѣе удобными для произношенія въ данномъ сочетаніи, а затѣмъ ужъ идутъ новыя смѣны, при коихъ дается забвенію и самый процессъ разложенія. а) Для образца возьмемъ **ѡ**, напр. врем—**ѡ**; распавшись на **е+н** эта основная форма послужила ячейкой для образованія т. н. „разносклоняемаго“ типа склоненій (врем-е-н-и, сѣм-е-н-и и даже тем е-н-и), съ другой стороны, эта чуждая напр. языку буква, прочитанная по живому произношенію (т. е. скорѣе всего **а** или **я**), дало „время“ и народныя формы: времю, времемъ и проч. Но съ другой стороны въ „добры-**ѡ** душ-**ѡ**“ (род. ед. и им-вин. мн.) чуялось нѣчто иное, и въ звуковомъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ, а равно и въ „кон-**ѡ**“ (вин. мн.); пришлось примѣнять и иныя средства. Было **ѣ**-изображеніе долгаго звука, долгота коего ощущалась въ произношеніи (особенномъ, характерно отличномъ отъ **е** и б. м. близкомъ и къ **и** и къ **я**) И вотъ этотъ знакъ признается здѣсь наиболѣе подходящимъ замѣстителемъ **ѡ** и даетъ формы „добрыѣ душѣ“ и „конѣ“ (ср. соврем. „добрыя души“, „борзые кон-и и припомнимъ сказ. выше о говорахъ).—Сходна съ этимъ и исторія **ѡ** (**і-ѡ**).

Это типичная флексія 1-го л. н. вр. ед. ч. (бер-**ѡ**, дѣл-**і-ѡ**), преемница т. наз. архаическаго (стариннаго) спряженія (ес-**мь**, вѣ-**мь**, да-**мь** и т. п.), въ обрывкахъ сохранившагося и въ современномъ общерусскомъ языкѣ, но обычно замѣненнаго сначала въ этихъ случаяхъ, а потомъ и всюду гдѣ встрѣчалось („руку“) посредствомъ **у** или **ю**. Когда ему пришлось попадать въ сочетанія звуковъ необычныхъ для новаго его произношенія напр. виждѡ, хоштѡ, то это новое произношеніе **ѡ** производило переворотъ и въ этихъ сочетаніяхъ согласныхъ: на мѣстѣ этихъ формъ явились: „вижу, хочу“, которыя повліяли и на дальнѣйшія формы (—лица) спряженія (хочешь, хочетъ) и легло въ основу смѣшенія спряжений, образованія т. наз. „неправильныхъ“ спряжений, т. е. собственно построенныхъ на новыхъ обычаяхъ—законахъ сочетанія звуковъ.

б) Не менѣе интересна и важна въ жизни русскаго языка и исторія т. наз. **глухихъ звуковъ—ъ** и **ь**. Въ старину это были **гласные** (хотя и не полной звучности, въ родѣ французскихъ „нѣмыхъ“ и множества сохранившихся въ русскихъ говорахъ неясныхъ звуковъ, постепенно терявшихъ свою „гласность“ и по обычному закону или исчезающихъ совсѣмъ или замѣнявшихся иными, близкими, схожими звуками, и въ связи съ этимъ производившими „броженіе“, перемѣны у своихъ сосѣдей. Если

въ произношеніи эти звуки были явственны, они замѣнялись на письмѣ обыкновенно такъ: ѣ поср. о, а ѣ поср. е, причѣмъ нерѣдко и смѣшивались между собою.—Такъ, по-старославянски писалось: днь, —дня, лѣбъ —лѣба (день—дня, лобъ—лба, хотя и въ соврем. говорахъ сохранилась форма лоба; ср. общерус. „денекъ“) т. е. въ однихъ случаяхъ эти неясные гласные исчезали совсѣмъ, въ другихъ замѣнялись ближайшими полными гласными. Недостаточно грамотные переписчики (въ ту пору нашей орфографіи еще не м. быть, а была лишь „графика“—умѣнье передать—переписать возможно точно данный текстъ, избѣгая внесенія своего чтенія) ставили эти „знаки“ и одинъ вмѣсто другого и 2 вмѣсто одного, и впереди согласнаго тамъ, гдѣ въ старомъ языкѣ они были позади, въ связи съ особенностями своего говора, съ данными живой рѣчи. Такъ образовались сочетанія, ѣр, ѣл, ѣр и ѣл, вм. др.-ц.-слав. рѣ, лѣ, рѣ и лѣ, а отсюда возможность введенія въ письменность полногласныхъ формъ, бытовавшихъ въ языкѣ народномъ, по типу ѣлѣ, въ родѣ пелена вм. старосл. плѣна (позже напр. великор. ф. пелѣнки и т. п.). Этимъ путемъ разлагались, а отчасти и уничтожались долгія гласныя стараго языка: „умрѣти“ = умереть; врата=ворота; глава=голова; стали писать и брегъ, вредъ *), предѣ, влеку (но все же „плѣнъ“) и въ неполногласныхъ формахъ, тогда какъ въ старосл. всѣ эти слова писались черезъ ѣ.

На этой почвѣ далъ блестящіе всходы еще одинъ законъ языковой—аналогія, уподобленіе, творчество по сходству, такъ явились слова въ родѣ „молонья“ (которой нѣтъ, конечно, соответствующей въ старосл. въ видѣ „млания“ или подобныхъ); это уже творчество языка, самообогащеніе.

в) Такъ постепенно дружной работой помѣстной—въ говорахъ и нарѣчіяхъ—открылась возможность замѣны одного звука другимъ по мѣрѣ надобности и удобства для даннаго сочетанія, устранялись препятствія въ свободѣ пользованія звуковыми сочетаніями. Это новое приобрѣтеніе языка обыкновенно называютъ для гласныхъ—**чередованіемъ**, а для согласныхъ—**смягченіемъ**.

Путемъ чередованія болѣе широкихъ и болѣе узкихъ, глухихъ и болѣе явственныхъ гласныхъ получалась широкая возможность образованія разныхъ словъ отъ одного и того же корня,—этого неизсякаемаго богатства языка. Иногда гласный одного и того же корня можетъ пройти почти по всѣмъ ступенямъ чередованія: тѣк, и—текъ—(по-токъ—(ис)тѣкати—(ис)тачати (т. е. могутъ чередоваться ѣ и е, е и о, е и ѣ, о и а, ѣ и а). Изъ неупомянутыхъ въ этомъ рядѣ отмѣчу еще ѣ и и (пѣсати—пишу; зѣдати—зизду; и и ѣ (свитати—свѣтъ), ѣ-о-ы (зѣвти—зову—(на)зывать), ѣ и ѣ (трѣсти—трѣсь). Русскій языкъ еще шире использовалъ эту старинную пережодаемость гласныхъ, особенно въ отдѣльныхъ го-

*) Позже живой и литературный языкъ использовали эти двойныя формы, надѣливъ ихъ особыми отѣнками значеній.

ворахъ и нарѣчійхъ, гдѣ **неударяемая** гласная (потому неясныя въ произношеніи) свободно замѣняются (въ зависимости отъ мѣстныхъ, индивидуальныхъ условій) одна другою (зыхатѣль, чистаколь, галава, ылава и т. п.).

д) Разъ стала возможна и свободна замѣна однихъ гласныхъ другими (особенно твердыхъ—мягкими и т. наз. йотованными, т. е. такими твердыми, которые умягчались свободнымъ прибавленіемъ къ нимъ *j*; яснѣе всего это было видно на юсахъ (I-~~а~~ и I-~~я~~),—то и согласные не могли сохранить своего прежняго положенія, и они должны были **смягчаться** (т. е. или становиться мягкими въ произношеніи или замѣняться другими сродными, потребными въ данномъ случаѣ, звуками). Въ русскомъ (по сравненію съ старосл.) особенно распространено такъ называемое **непереходное** смягченіе, т. е. одна и та же согласная въ одномъ сочетаніи произносится твердо, а въ другомъ мягко (—въ говорахъ и нарѣчійхъ возможенъ и обратный порядокъ), напр. **радъ** и **рядъ**, **намъ**, **няня**, **рука** и **рюмка**,—въ зависимости отъ слѣдующей за ними гласной.—Есть только три сочетанія, которыя не подчиняются этому установленію общерусскаго языка: здѣсь можетъ быть только **ги**, **ки** и **хи** (но не **гы**, **кы**, **хы**), тогда какъ въ старославянскомъ какъ разъ наоборотъ, (**гыбнѣти**, **кыснѣти**, **похытити**), но зато и не **гя** (**гю**), **кя** (**кю**) **хя** (**хю**), т. е. въ русскомъ невозможно сочетаніе этихъ согласныхъ (гортанныхъ или задненебныхъ) съ одной лишь изъ твердыхъ гласныхъ (**ы**) и съ двумя мягкими (**я** и **ю** *). Въ старославянскомъ сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными **непремѣнно** вызывало смягченіе иного рода—**переходное** (въ шипящія или свистящія) (напр. **Богъ**—**Бози**—**Боже**; **вѣкъ**—**вѣци**—**вѣче**; **доухъ**—**доуси**—**доуше** и проч.). Этотъ старый переходъ звуковъ сохранился въ полной силѣ и въ русскомъ языкѣ въ процессѣ словообразованія (человѣчскій, мышленіе и т. п.), но въ склоненіи утратился (по аналогіи съ прочими падежами, имѣющими несмягченный согласный) совѣмъ (напр. **духи**, **о человекѣ** и пр.), а въ спряженіи сохранились лишь шипящія (помоги, **не поможешь**).

е) Этотъ второй типъ смягченія—переходнаго наблюдается въ обоихъ языкахъ и въ сочетаніяхъ съ другими согласными, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ опять-таки является однимъ изъ признаковъ отличія старославянскаго и общерусскаго. Такъ при смягченіи зубныхъ **з** и **с** смягчаются одинаково для обоихъ языковъ (**писати**—**пишу**, **вязати**—**вяжу**), но для **д** и **т** смягченіе различно: отъ („**видѣти**“ наст. вр. 1-е л. по старосл. **виждѣ**, а по русски—**вижу**; отъ „**свѣтити**“—**свѣштѣ**—**свѣчу**. И опять—таки эти старыя формы тамъ, гдѣ онѣ находились въ связанномъ состояніи, въ словообразованіяхъ, въ выраженіяхъ, касающихся церковнаго обихода и т. п.,—сохранились и бытуютъ въ современномъ общерусскомъ съ пол-

*) Въ послѣднемъ случаѣ исключеніе—иностранныя слова (**гяуръ**, **брошюра** и т. п.).

ными правами гражданства; въ новообразованіяхъ, въ морфологіи, пошли въ обиходъ и новыя формы и дали своеобразныя производныя слова. Иногда обѣ формы живутъ рядомъ, но уже надѣлены разными значеніями (освѣщеніе и свѣщеніе).

§ 6. Наблюдая звуковыя измѣненія въ обоихъ языкахъ параллельно, мы подмѣчаемъ, что они не могли не отражаться и на формахъ языка (т. е. въ склоненіи и спряженіи), вѣдь это извѣстныя видоизмѣненія сочетанія тѣхъ же звуковъ, совершающіяся въ силу тѣхъ же законовъ ихъ сочетанія, измѣненія, перерожденія и смерти. Значитъ, для внимательнаго глаза здѣсь все почти будутъ старые знакомые въ основѣ. Но, конечно, на немногихъ различіяхъ въ звуковыхъ сочетаніяхъ будутъ опираться уже многочисленныя различія въ ихъ комбинаціяхъ, становящихся еще многочисленнѣе подъ воздѣйствіемъ закона аналогіи, уподобленія. При этомъ еще надо замѣтить, что по мѣрѣ усовершенствованія языка въ немъ пропадаютъ совсѣмъ или сильно видоизмѣняются слишкомъ громоздкія формы или возмѣщенные другими, въ достаточной мѣрѣ ясными для болѣе развитою ума, т. е. и здѣсь примѣняется законъ приспособляемости къ окружающимъ условіямъ. а) Въ старославянскомъ было 3 типа склоненій: именное, мѣстоименное и сложное (сочетаніе 1 и 2 типовъ); изъ ихъ комбинацій, такъ наз. смѣшеній, отступленій, неправильностей—вырастали современные приемы склоненія сущ., прилагат. и мѣстоим. (рабъ—рабе || тѣ—того || добры—и—добра—аго).

Къ именному склоненію относились кромѣ сущ. и прилагат. неопредѣленной формы (добръ) и причастія (несы) и количественныя числительныя. Въ немъ различалось четыре склоненія: 2 первыхъ сходны съ общепринятымъ дѣленіемъ въ русскихъ грамматикахъ: къ 1-му слова муж. и ср. р. на **ь, ѣ, и** (й), **о** и **і-е** (рабъ, конь, (корабль) край, село, поле), ко второму жен. р. на **а, ѣ** и **и** (ыни=рус. ыня)—жена, землѣ и поустыни. Далѣе—различія. Къ 3-му склоненію, кромѣ словъ ж. р. на **ь** (кость, ношть) относятся и слова муж. рода на **ь**, но не подвергающіеся смягченію (путь, голѣбъ, гость и т. п.) **губныхъ и зубныхъ**. Всѣ эти слова (кромѣ **путь**, т. н. „разносклоняемаго“) въ рус. яз. перешли въ 1-е склоненіе, а оставшіеся здѣсь стали женскаго рода (гортань, степень и др.). Въ четвертомъ склоненіи собраны т. н. разносклоняемыя слова, съ наращеніями (камы, имѣ, телѣ, небо, црькы, мати и проч.).

Если оставить въ сторонѣ формы двойственного числа и звательный падежъ, сходный съ им. лишь у прилагательныхъ и въ словахъ ср. рода, и для всѣхъ словъ во мн. числѣ, а въ ед. имѣющей окончаніе **е** или **ю** (оу), то остальные отличія словъ этого склоненія отъ русскаго сведутся къ слѣдующему: а) вин. п. одушевленныхъ предметовъ и неод. въ ед. ч. всегда сходенъ съ им.;

во мн. ч. (при им.—и—раб-и) для муж. р. **ы** (для тверд. склоненія раб-ы*), злы) и **ѧ** (1-ѧ) для мягкаго (кон-1-ѧ, кра-1-ѧ врач-ѧ) въ ср. р. им., в. и зв. сходны; предл. ед. (по стар.—мѣстный) въ мягк. скл. мужск. и ср.—и (кони, краи, врачи, поли-и, копи-и, вели-и); а во мн. ч.—**ѣхъ** (раб-ѣхъ) для твердаго и **ихъ**—для мягк. (конихъ, врачихъ); в) творит. мн.—**ы** (раб-ы, зѣлы; кон-и, врачи) и г) дат. мн.—**ом** или **ем** (рабомъ—ср. тв. ед. рабомъ (кон-емъ))—Особенно склоняются въ этомъ склоненіи и нѣсколько отдѣльных словъ, какъ **сынъ**, (медъ, волъ, домъ), въ нихъ преобладаютъ окончанія **оу (ов)**, характеренъ дат. п. ед.—**сынови** (за которымъ пошло въ подражаніе не мало словъ 1-го скл. съ обычными остальн. падежами, въ родѣ Богови, цареви и т. п.). Во второмъ склоненіи еще меньше отличій отъ русскаго (опять-таки помимо дв. ч. и зват.—на **о** или 1-е): род. ед. мягк.—1-ѧ (земл-ѧ богын-ѧ) и б) им. мн. синѧ—1-ѧ (сходно съ род. ед.).—Въ 3 склон. зват. или оконч. **и** (пути, кости) ***) им. мн. для муж. р. 1-е (пути-е). Четвертое склоненіе лишь въ род. ед. (камен-е, имене, небесе) и въ род. мн. (камень, именъ, небесъ) имѣетъ свое особенное окончаніе, остальные формы взяты б. ч. изъ 3-го, а частью изъ 1-го и 2-го.

Русскій языкъ, когда приглядѣться поближе къ его склоненіямъ, въ значительной мѣрѣ привелъ къ единообразію окончанія различныхъ склоненій (во мн. ч. получили преобладаніе формы съ **а**—амъ, ами, ахъ вм. слав. омъ, **ы**, ѣхъ, ѣмъ. ѣми, ѣхъ; имен. и вин. совпали: столы, корабли).

Мѣстоименное склоненіе распространилось лишь на часть мѣстоименій, (прочія: азъ, ты, себе,—по именному, преимущ. 2 и 4 склон.) ***).—Образцы типичные мѣстоименнаго: тѣ, та, то; съ, си, се; и, я, е. Въ рус. это склоненіе подверглось вліянію склоненія прилагательныхъ полныхъ.

Склоненіе сложное—для именъ прилагат. полныхъ (добра + ѧ, новѣ-ѧ-емъ), лишь изрѣдка сохраняетъ въ чистомъ видѣ 1-е, соединяя именное скл. и мѣстоименное; б. м. мѣстоименныя формы прибавляются прямо къ основамъ прилагат. (ѣ или ѣ), причемъ не рѣдко и мѣстоименныя формы упростились (путемъ сокращенія или сліянія съ именными) (напр. вм. добра + 1-его=добра+аго=добраго; синю-ѧ-ему=синему). Русскій языкъ широко воспользовался этимъ **стяженіемъ** (сліяніемъ) гласныхъ —(вм. добрымъ вм. синимъ—синимъ и т. п.), а также и воздѣйствіемъ мѣстоименій (вм. стяженной формы добруму (изъ добрууму) мы видимъ по образцу „тому“—доброму; вм. слѣпаго,—подъ, вліяніемъ „того“,—слѣпѣго и проч.)—**Двойств. число** сохранилось лишь въ рѣдкихъ сочетаніяхъ.

б) Въ старославянскомъ **спряженіи** различаются двѣ основы: неопре-

*) Род. мн.—рабъ; согласно съ этимъ „аршинъ, глазъ“, тогда какъ обычные —овъ заимствованы отъ „сынъ“. Ср. съ род. ед. „сыну“ формы въ родѣ „сахару“.

**) По образцу „кость“ склон. числит. 5—10; по образцу пути-е—3—4.

***) По этому образцу и числит. единъ, два, оба.

дѣленнаго наклоненія и настоящаго времени (отброс. окончаніе 3 л. ед. ч. -тъ); въ послѣдней б. частью прибавляются т. н. **соединительныя** гласныя (о и е) (напр. **нес**-основа неопредѣленнаго н., **несе** или **несо**—н. вр.; бѣра- и бере (беро) и проч.).—Въ первой основѣ 2 класса: 1—окончаніе присоединяется непосредр. къ корню—(первообразные или коренные) напр. да-ти, би-ти) и 2—при содѣйствіи суффиксовъ (производные) (двиг-нѣ-ти, имен-ов-а-ти). Въ глаголахъ съ основой наст. есть 3 разновидности спряженія: 1) архаическое (сохранившееся и въ старослав. лишь для нѣкотор. глаголовъ (і-е-смь, іа-мь, дамь и вѣмь), гдѣ флексіи присоединяются непосредственно къ корню, 2) къ корню добавляется сначала **е** или **о**, а потомъ уже флексіи, напр. нес+е+тъ, нес-ѣтъ изъ нес-он-тъ) и 3) къ корню прибавляется **и** и потомъ флексія (люб-и-тъ, хвал-и-мь), т. е. 1-е и 2 спряженія общерусскія. Для настоящаго времени особенныхъ отличій мало, но для прош. времени—значительная разница: русскій языкъ изъ многочисленныхъ прошедшихъ старославянскаго (прошедшее совершенное простое или аористъ, и прош. несовершенное, прош. соверш. описательное, давно прош. описательное) сохранилъ лишь одно прош. соверш. описательное да и то въ упрощенномъ видѣ, изъ причастія прош. на-ль (а, о): присоединяемаго къ основѣ неопр. наклоненія; бывшій при немъ въ старосл. непремѣнный спутникъ наст. вр. вспомогательный глаголѣ (і-е-смь) сначала сталъ подразумѣваться (какъ и теперь онъ б. ч. подраз. въ роли связи), а потомъ и совсѣмъ пропалъ. Эта историческая справка дѣлаетъ яснымъ, почему только прош. время имѣетъ роды и не имѣетъ флексій глагольныхъ; изъ давнопрошедшаго, составлявшагося изъ того же причастія и прош. вр. вспом. глагола образовалось общерусское такъ наз. условное или сослагат. наклоненіе (дѣлалъ бы(хъ)).—Изъ причастій только прошедшее на **ль** (а, о) было несклоняемымъ (неслъ, несла, несло), какъ и въ русск.; прич. наст. вр. дѣйствительнаго залога (какъ и другія) имѣло 2 формы, краткую и полную (черезъ присоедин. къ 1-й соотв. мѣст. **и-іа-і-е**): напр. веды и ведыи; обѣ формы склонялись (какъ сравн. степень им. прилагательныхъ).

Въ рус. яз. сохранилась склоняемой лишь полная форма (со стариннымъ оконч. —щій, русскія формы оканчивались бы на чій, что и видимъ въ возникшихъ изъ дѣепричастій—горючій, колючій и проч.), а первая обратилась въ отглагольное нарѣчіе, т. н. дѣепричастіе, измѣнивъ и окончаніе (на **я** (а) вм. **ѣ** и **ы**), иногда образовавъ и новое—**учи, ючи** (живучи, дѣлаючи), схожія съ им. мн. муж. р. причастій (ведѣшше).

Вотъ главнѣйшія особенности, языковыя, столь близкихъ нѣкогда и столь уже разошедшихся по звукамъ и формамъ (не говоря уже о синтаксисѣ) въ силу разнообразныхъ условій, уже указанныхъ выше. Въ пору первоучителей славянскихъ общеніе славянскихъ племенъ было очень велико.

Первоучители всего славянства свв. Кириллъ и Меѳодій, какъ два „вола-супруга“, проводили борозды образованія въ средѣ всего славянства,

создавъ для него свою азбуку, свою грамотность—письменность, положивъ начало ей переводомъ книгъ церковныхъ. Ранѣе другихъ воспользовались этими благами древніе (македонскіе) болгаре, достигшіе блестящаго культурнаго развитія въ эпоху царя Симеона.

Отсюда уже попали и на Русь первые письменные памятники, легшіе въ основу нашего литературнаго языка, очень рано, уже въ рукахъ первыхъ переписчиковъ—русскихъ, наполнявшихся исподволь (невольно и вольно) особенностями народной живой рѣчи, которая къ XIV вѣку была уже ключемъ въ памятникахъ свѣтскаго характера (грамоты, лѣтописи). Въ 14—15 в.в., подъ вліяніемъ усилившагося юго-славянскаго вліянія, волна живой народной рѣчи пошла на убыль и письменность наша стала болѣе блеклой на нѣсколько вѣковъ. Ломоносовъ, своимъ гениальнымъ умомъ опередившій на много лѣтъ научный уровень своего времени, понималъ, что этой живительной струей—народной рѣчи—д. б. открыть самый широкій доступъ въ языкъ литературнаго общества, если нужно поднять его на высоту, дать ему истоки неувядаемости и возможности расцвѣта. И онъ и въ теоріи, и на практикѣ положилъ въ основу л-рнаго языка народный московскій говоръ въ виду его „отмѣнной красоты“,—что остается въ силѣ и понынѣ, при чемъ по мѣрѣ надобности, въ силу запросовъ жизни, рамки раздвигаются и для живыхъ говоровъ широко раскрываются двери нашими классиками-писателями (хотя бы орловскому—миценскому у Тургенева). Конечно, и обратно.

Церковно-славянскія формы, попадая въ л-рный (а позже и народный) языкъ, претворяются въ нѣчто новое, въ свою очередь обогащая языкъ („и дальній **прахъ** ложится жадно на пожелтѣвшіе листы“ и „миръ **праху** твоему“ и „все **прахомъ** пошло“).

Выясненію смысла и огромнаго значенія этихъ новообразованій, и „обмѣна веществъ“ при общеніи л-рнаго и народнаго языковъ въ особенности въ рѣчи художниковъ-писателей, да и вообще въ области усовершенствованія и развитія человѣческой мысли, вплоть до самыхъ вершинъ ея, посвящаютъ свои силы ученые, занятые т. наз. „теоріей словесности“, къ каковой и переходимъ.

II. Теорія словесности.

§ 1. Теорія словесности занята вопросами строенія, архитектуры всѣхъ словесныхъ произведеній.

Словесный составъ всякаго языка распадается на два разряда: на слова **образныя** и **безобразныя**; первыя лежатъ въ основѣ всякаго искусства, мысли поэтической, художественной, вторыя—область прозы, отвлеченія, абстракціи, науки. Въ жизни отдѣльнаго слова грань эта то потухаетъ, то вновь ярко вспыхиваетъ: слово безобразное („**столбъ** стоитъ“)

вдругъ преобразовывается въ иносказательное („онъ **столбомъ** стоитъ“). Поэтому теорія словесности обыкновенно ранѣе всего и разрабатываетъ т. наз. **стилистику**, часть общую для образныхъ и безобразныхъ произведеній, а затѣмъ уже переходитъ къ теоріи строенія образной рѣчи въ частности, къ ея „индивидуальной“ жизни и, наконецъ, къ строенію прозы. Въ живомъ мощномъ языкѣ, какъ орудіи мысли, все живо, подвижно измѣнчиво, примѣнимо для той или иной цѣли: образное слово м. б. на мѣстѣ безобразнаго и наоборотъ. Искусство уготовляетъ путь наукѣ и обратно.

§ 2. „**Стиль**—это человѣкъ“, рѣчь—что зеркало души: въ ней увидишь, каковъ духовный обликъ говорящаго. Поэтому надо быть насторожѣ, блюсти рѣчь свою, чтобы не дать отвѣта за слово праздное, необдуманное. Рѣчь наша для другихъ—мѣра уровня нашей мысли, нашего развитія, степени нашей духовной зрѣлости. Человѣкъ образованный и воспитанный строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не сказать лишняго, но и не оставить чего-либо недосказаннымъ, неяснымъ, не точно опредѣленнымъ, могущимъ подать поводъ къ „кривотолкамъ“.—Несоблюденіе этихъ простѣйшихъ требованій стилистики, нарушеніе этихъ правилъ бережнаго обхожденія съ тончайшимъ и точнѣйшимъ изъ орудій человѣческой мысли,—всякій знаетъ по опыту,—часто приноситъ огромные убытки и даже бѣдствія въ практической жизни. Неясное дѣловое письмо, неточная телеграмма—источники неисчислимыхъ недоразумѣній, непріятностей и бѣдъ. Итакъ, всякое словесное (и письменное) изображеніе мыслей д. б. **сжато, но полно, ясно и точно**. Это общія правила для прозы и для поэзіи.

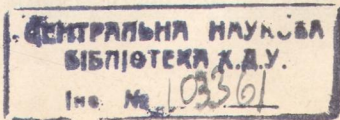
§ 3. Область словъ безобразныхъ, область прозы, мышленія „обыденнаго“, отвлеченнаго, научнаго исчерпывается соблюденіемъ только что приведенныхъ правилъ (при наличности, конечно, знанія основъ грамматики и логики, т. е. умѣнія правильнымъ языкомъ изложить въ извѣстной системѣ и по извѣстному методу собранный запасъ свѣдѣній). **Теорія** построенія обыденной рѣчи, **прозы**—это выработка приѣмовъ мысли, формъ рѣчи, въ которыя могло бы свободно, безпрепятственно, вольно вливаться всякое содержаніе, краткое и „протяженное“. Это—способы наиболѣе удобной, легкой систематизаціи нашихъ знаній, сужденій, нашихъ понятій, начиная отъ единичныхъ явленій до всей цѣлокупности міра, отъ описанія простѣйшаго явленія до тончайшихъ и сложнѣйшихъ научныхъ изысканій. Вся суть въ томъ, чтобы научиться, сѣумѣть правильно, ясно, точно построить простѣйшее цѣлое и постичь пути и способы постепеннаго усложненія этого простѣйшаго.—А простѣйшій способъ познаванія—сопоставленіе извѣстнаго съ неизвѣстнымъ („айва—яблоко“ или „радіоактивность—свойство металловъ“), и форма для него въ теоріи языка—простое предложеніе (опирающееся главнымъ образомъ на познанія, вынесенныхъ изъ серьезнаго знакомства съ этимологіей); усложненія въ мыслительныхъ процессахъ находятъ себѣ соотвѣтствіе, аналогію, въ сложныхъ предло-

женіяхъ и періодахъ (подробное знакомство съ коими дается въ синтаксисѣ). Съ духовнымъ ростомъ челоѣка растутъ и умножаются, совершенствуются и формы для отливки ихъ во-внѣ.

§ 4. Путемъ объединенія, установленія болѣе тѣсной связи, единства, цѣльности между живыми простѣйшими цѣлыми отложеніями мысли въ извѣстномъ порядкѣ, системѣ, послѣдовательности вырабатывается т. наз. **сочиненіе** (изъ „со“=вмѣстѣ, воедино и „чинити“=дѣлать, устанавливать въ извѣстномъ порядкѣ, градаціи, постепенности; ср. „чинъ чина почитаетъ“, мѣстничество и т. п.—во внѣшнихъ формахъ челоѣческихъ взаимоотношеній).—Челоѣкъ постоянно въ жизни наталкивается на цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ отвѣта, и простѣйшей формой этихъ парныхъ толковъ мысли, ея отливовъ и приливовъ, „нападовъ“, является подлежащее и сказуемое въ „предложеніи“ мысли. Если условія жизни (главнымъ образомъ т. наз. „специализація“) требуютъ выдѣленія изъ обширнаго запаса познаній (т. е. разрѣшенныхъ отдѣльныхъ вопросовъ) извѣстнаго ряда ихъ, группы, объединенной извѣстнымъ общимъ положеніемъ, т. наз. (съ греч. яз.) **темой***) иногда именуемой „заглавіемъ“, которую „специалистъ“ долженъ развить, объяснить, доказать, то предварительно онъ долженъ выработать **планъ** этой „духовной битвы“, чтобы развернуть свои силы тамъ, гдѣ нужно, а не тратить ихъ попусту. Пользуясь основными приѣмами мысли—обобщенія отдѣльныхъ частныхъ, относящихся къ данному вопросу, и разложенія (синтезъ и анализъ) т. е. примѣненія общихъ познаній къ данному случаю) смѣлый, самостоятельный, находчивый, умѣющій сохранить всюду свое личное, индивидуальное духовное достоинство, „борецъ“ найдетъ въ своихъ запасахъ надлежащее **содержаніе** для разработки своей темы. Нечего говорить (объ этомъ уже рѣчь была выше), что онъ долженъ пользоваться общими положеніями стилистики, грамматики и логики.—Начинать изученіе предмета съ ознакомленія съ чужой постановкой однородной темы, съ планомъ и приѣмами расположенія доказательствъ, путей выясненія темы у другихъ, съ собиранія, наконецъ, и самаго содержанія для своей работы у предшественниковъ, особенно даровитыхъ, талантливыхъ,—и естественно, и полезно, и даже необходимо, но лишь какъ пути научиться постепенно жить своимъ умомъ, подвигать впередъ затронутый вопросъ, а не топтаться на мѣстѣ.

И крупные ученые и великіе художники непремѣнно начинали съ подражанія своимъ великимъ (нерѣдко лишь для своего времени) предшественникамъ, но лишь въ томъ, что соответствовало ихъ собственнымъ влеченіямъ, запросамъ, а затѣмъ непремѣнно выходили на свою дорогу путемъ расширенія и углубленія своего образованія и упорной работы, иногда въ теченіе десятилѣтій, надъ своими „темами“, при чемъ, конечно,

*) Положенное въ главу угла, въ основаніе, иногда равняющееся заглавію или наводимое заглавіемъ.

планы выполненія не разъ мѣнялись, а о совершенствованіи подробностей содержанія и формы (словесной) и говорить нечего: Л. Толстой свою „Войну и миръ“ до печатанія переписалъ семь разъ, а черновики рукописей Пушкина испещрены поправками и передѣлками въ погонѣ за точной передачей волновавшихъ его мыслей и образовъ.

§ 5. Вотъ тутъ-то—въ выборѣ темы, разрабатывающей, проводящей въ жизнь извѣстную „идею“, въ выборѣ способовъ и путей ея доказательства и въ самой формѣ **изложенія** и скажется все разнообразіе людскихъ типовъ. У одного на первомъ мѣстѣ—точность наблюденія, ясность мысли въ области конкретныхъ частныхъ, фактовъ; это—на вершинѣ—ученый, а пониже—авторы практическихъ и дѣловыхъ сочиненій и вообще практическіе, дѣловые люди. Другой надѣленъ большой живостью воспріятія, мыслить не отвлеченными понятіями, а живыми образами—это поэты, художники, творцы вообще. Таковъ фундаментъ—основа прозы и поэзіи. Столь же индивидуальны могутъ быть „сочиненія“ и по содержанію: авторъ или изображаетъ что-либо изъ внѣшняго міра или отражаетъ въ своихъ твореніяхъ по преимуществу свой внутренній міръ.—Поэзія и проза—это парныя, ритмическія бѣнія человѣческаго сердца, человѣческой души. Путемъ собиранія признаковъ предмета создается объемъ его понятія, путемъ выдѣленія изъ всего собраннаго существенно-важнаго—содержаніе понятія; путемъ же подбора особенныхъ опредѣленій—эпитетовъ—дается наглядное представленіе о предметѣ, выдвигается не точность мысли, а картинность, живость,—возстановляется былая конкретность слова; передается порою и настроеніе.

Является на сцену хозяинъ, обладатель этихъ разнообразныхъ сокровищъ, скрытыхъ въ словѣ, и создаетъ изъ нихъ дивные, многосложные, до крайности разнообразные узоры.—Нужно ему представить предметъ (или кругъ ихъ замкнутый) какъ законченное цѣлое, создать его картину, вызвать вдругъ, одновременно на сцену весь потребный рядъ признаковъ или предметовъ, **описать** предметъ, и мысль, по его волѣ, дѣлаетъ „бѣгъ на мѣстѣ“, собираетъ „въ одной плоскости“ (пользуясь „словами-предметами“) признаки въ связи, существующей помимо насъ, въ своей гармоніи (этой своего рода геометріи всего сущаго внѣ движенія, внѣ времени). Вотъ **прозаическое описаніе**: стоитъ снабдить детали картины надлежащими эпитетами (картинными опредѣленіями), воспользоваться т. наз. способами изобразительности,—и передъ нами представитъ въ гармонической картинѣ рядъ образовъ, характеровъ, олицетвореній, типовъ,—описаніе—поэзія.—Хочетъ властитель этотъ **рассказать** намъ объ этомъ предметѣ (явленіи, процессѣ),—разставляетъ онъ въ мысли признаки во временной послѣдовательности (пользуясь по преимуществу отглагольными существительными для схемы, канвы разсказа), и передъ нами **повѣствованіе**, становящееся поэтическимъ, коль скоро на мѣстѣ существенныхъ

признаковъ появится въ той же послѣдовательности рядъ образовъ—картинъ. — Запретнымъ полемъ для поэзіи является только третій способъ орудованія прозаической мысли—**разсужденіе**, гдѣ признаки (явленія, событія, процессы) приведены между собою въ причинную связь и зависимость.

Итакъ, схема, осто́въ описанія—это соединеніе ряда понятій по ассоціаціи смежности, повѣствованіе—изображеніе частей предмета или явленія во временной послѣдовательности, а разсужденіе—установленіе между ними причинной связи въ закрѣпленномъ индивидуально видѣ.

§ 6. Однако въ жизни свѣтъ и тѣнь, **проза и поэзія** переплетены невидимыми, тончайшими, но неразрывными нитями: проза пользуется отчасти безсознательно, невольно, образомъ, наука ставитъ, выдвигаетъ вопросы, предварительно рѣшаемые поэзіей, искусствомъ. Вся сила въ томъ,—**какъ** мы изображаемъ познаваемое, въ нашемъ отношеніи къ нему. О всякомъ предметѣ мы можемъ говорить различно. Пока мы спокойно высказываемъ сужденіе о предметѣ, явленіи, мы въ области прозы—повѣствованія, описанія, разсужденія, или же—у рубежа эпической поэзіи. Выдвигаются на первый планъ чувства, настроенія, повѣствованіе становится „восклицательнымъ“,—и мы въ области зарожденія лирики. На первомъ планѣ—столкновеніе интересовъ, дѣйствія и взаимодействія,—тутъ завязка драмы. Борьба мощныхъ борцовъ за важное, великое дѣло—борьба обычно кончающаяся гибелью борцовъ—осто́въ трагедіи. Столкнулись важныя идеи, завязалась серьезная упорная борьба, но завершилась побѣдой, хотя и съ тяжелыми потерями, героевъ—драма. „Стрѣляютъ борцы изъ пушекъ по воробьямъ“,—затрачиваютъ на пустяки силы большія,—въ результатѣ смѣхъ—комедія.—Вотъ пути сплетенія, узлы поэзіи и прозы.

§ 7. Эти переходы отъ прозы къ поэзіи, отъ словъ безобразныхъ къ образнымъ красною нитью проходятъ черезъ всякую живую рѣчь, вплетаются въ ткань обыденной рѣчи, расцвѣчиваютъ ее, дѣлаютъ изъ однотонной—цвѣтной, узорчатой. Имя этимъ приѣмамъ въ теоріи словесности—**„способы изобразительности“** (которые столь пышно растутъ и цвѣтутъ въ народномъ грунѣ). Вѣдь поэтическіе и прозаическіе отвѣты на тревожные запросы „мятежнаго духа“ не капризь, не прихоть, а насущная, въ буквальномъ смыслѣ слова—необходимая потребность мысли: она пользуется всякій разъ тѣмъ или инымъ приѣмомъ, поскольку онъ проще, удобнѣе, пригоднѣе для данного случая: лучше, быстрѣе достигаетъ цѣли. А цѣль одна: познаніе невѣдомаго черезъ знакомое, извѣстное.—На протяженіи вѣковъ—изучая строеніе языка и мысли, мы видимъ, что для различныхъ эпохъ одни и тѣ же приѣмы разно учитываются: для однихъ это—поэзія, для другихъ—проза. Подмѣтилъ человѣкъ въ предметѣ первый бросившійся ему въ глаза признакъ, и по этому признаку назвалъ самый предметъ („удавъ, глотка“). Признакъ этотъ сживался съ предме-

томъ, сопутствовалъ ему и тогда, когда понятіе объ этомъ предметѣ (процессѣ, явленіи) стало совсѣмъ инымъ, иногда признакъ этотъ сталъ вовсе не характернымъ, не типичнымъ, подчасъ даже несуразнымъ. Такъ изъ существеннаго, ярко отличающаго признака (прозы) исподволь вырасталъ украшающій **эпитетъ** (пріемъ уже поэзіи: „дѣвица красная, солнышко ясное, поле чистое“ и проч.).

„Коверъ зимы покрылъ холмы, луга и доли“ мы уже не можемъ понимать буквально, прямо, а лишь переносно, какъ поэтической образъ. „И вотъ сама идетъ волшебница-зима“ для извѣстной ступени мысли могло быть чистой реальностью, и лежать въ области прозы, такъ же какъ и „сонъ и дрема по новымъ снѣгамъ брели“ или „трясучка (т. е. лихорадка) тебя трясетъ“ и проч. А для насъ все это перевернулось въ мысли по-новому, стало поэтическимъ пріемомъ мышленія—**метафорой** (въ широкомъ смыслѣ), т. е. перенесеніемъ признаковъ съ одного предмета на другой, съ одной группы явленій на другую. Это родоначальникъ всѣхъ поворотовъ мысли, отъ одной категоріи къ другой, отъ прозы къ поэзіи,—именуемыхъ **тропами и фигурами**. Въ первыхъ рычагомъ для поворота служить разумъ, а во вторыхъ по преимуществу чувство. Послѣднія (фигуры) мало свойственны народной поэзіи: ей не по душѣ, не подъ-стать; это главнымъ образомъ достояніе искусственной поэзіи. Троповъ избѣгать нельзя при смѣнахъ міросозерцанія (облако—„небесная корова“—проза для одной ступени развитія, а въ болѣе позднюю эпоху—поэтической, метафорической образъ; межъ тѣмъ фигуры бытуютъ при всякомъ міросозерцаніи и являются по мановенію художника-поэта.—Сущность тропа—поворотъ отъ одного понятія къ другому, перенесеніе свойствъ одного предмета на другой; большая или меньшая близость, устанавливаемая при этомъ между предметами—основа различенія видовъ тропа: **синекдоха** („горячихъ дюжина головъ“ вм. „людей“), гдѣ одно понятіе съ другимъ составляютъ концентрическое (☉) взаимоотношеніе; **метонимія**—когда два понятія соприкасаются въ частяхъ своихъ и могутъ быть представлены въ видѣ двухъ пересѣкающихся круговъ (☉)—„я три тарелки съѣлъ“, „выпилъ стаканъ и охмелѣлъ“, и наконецъ **метафора** (въ собств. смыслѣ), когда два понятія, далекія другъ другу, связываются между собою третьимъ, имѣющимъ общее и съ первымъ и со вторымъ („коверъ зимы покрылъ холмы, луга и доли“)—(☉)—три пересѣкающихся круга понятій: „снѣгъ-покрывало-коверъ“. Развиваясь, метафора даетъ иносказаніе, аллегорію (столь хорошо извѣстную всѣмъ отъ юности изъ басенъ и Евангельскихъ притчъ, и олицетвореніе (т. е. перенесеніе признаковъ живого существа на мертвую природу: „зеленокудые, они толпятся къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся“ и т. п.).

Фигуры, какъ видно уже изъ самыхъ названій ихъ: **гипербола**, (т. е.

разрываніе, размыканіе круга, выходъ изъ замкнутой орбиты); **антитеза** —противоположеніе, противопоставленіе; **параллелизмъ**, **градація** („лѣстница“), **апосіопезисъ** (умолчаніе); **ретардація** (замедленіе движенія, ритма, темпа); **иронія**, —далеки отъ естественной простоты, отъ насущныхъ, неизбежныхъ потребностей обыденной мысли; онѣ передаютъ тонкую игру душевныхъ движеній поэта: его восторга, изумленія, негодованія насмѣшки и проч.; это дивныя по отдѣлкѣ орудія лирики (поэзіи личныхъ настроеній) по преимуществу, наряду съ особыми размѣрами стиха сочетаній рѣимъ, создающихъ мелодію рѣчи и дающихъ возможность приблизить словесное искусство къ грани другого — музыки.

§ 8. Вся поэзія распадается — по характеру участія въ ней ея творца на три рода: **эпосъ**, **лирику** и **драму** (т. е. слово, музыку и дѣйствіе); это различныя комбинаціи субъективнаго и объективнаго, иначе — міра внѣшняго и міра внутренняго.

Эпосъ — поэтический, типическій (т. е. относящійся ко множеству подобныхъ случаевъ, явленій — вопросовъ) отвѣтъ на разнообразныя запросы жизни внѣшняго міра по-преимуществу, отраженіе черезъ личное пониманіе (поэта) міровоззрѣній народовъ (**сказка**, **миѳъ**, **басня**, **былина**, **историческая пѣсня**, **поэма**, **повѣсть**, **идиллія**, **баллада**, **романъ**), причѣмъ личность поэта въ волнахъ содержанія не видна. — Конечно, всякой развитой формѣ поэтического творчества предшествовали подготовительные процессы въ языкѣ, въ толщѣ народной, въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ безцѣнныхъ перловъ мысли. Поэтому всякая разновидность поэзіи проходитъ предварительно стадію безымяннаго (обыкновенно называемаго безыскусственнымъ, народнымъ) творчества. Разумѣется, и здѣсь не весь народъ и не группа создавала первый образецъ, а все же отдѣльная, невѣдомая, не могущая быть разысканной въ толпѣ личность, то же стоявшая выше остальныхъ, но лишь настолько, что выдвинувшись, выдвинувшись на мигъ изъ толпы, тотчасъ же снова затеривается въ ней. Стоило этому творцу раскрыть роль и затянуть пѣсню, какъ уже она, другимъ вѣдомая по своему существу, давно уже просившаяся у всѣхъ на языкъ (мы и теперь вѣдь очень часто говоримъ объ „идеяхъ, носящихся въ воздухѣ“) подхватывается хоромъ окружающихъ и становится тоже общимъ достояніемъ, постепенно совершенствуется, зрѣетъ и видоизмѣняется въ частностяхъ — деталяхъ. Плывуть вѣка и все больше и больше раздѣляютъ людей, разбиваютъ на разнообразныя группы, изъ коихъ „всякъ молодецъ на свой образецъ“. Тутъ вотъ широко уже раскрываются двери личному творчеству; тутъ ужъ начинаютъ предъявлять права собственности, охранять права авторскія. — Таковы пути переметные. Пройдемъ ручьями этими къ истокамъ ихъ. Тамъ въ дали, въ туманныхъ дальяхъ прошлаго виднѣется **сказка**, за ней идетъ **былина**, а у ногъ нашихъ вьется **пѣсня историческая**.

Сказка—эпическое изображеніе пережитого міросозерцанія народнаго, его вѣрованій, его своеобразныхъ „научныхъ“ теорій и строеній міра, ставшихъ величинами „мнимыми“, ненаучными, „миѳическими“; „сказка“—сладка, пѣсня—быль“, говоритъ глубокій самокритикъ народъ. Значить, первоначальное содержаніе изжито, а форма готова—для наполненія новымъ. И сказка становится формой для выясненія, опредѣленія бытовыхъ сторонъ жизни, уклада семьи, созданія устоевъ нравственности (такъ, въ стихійную сказку о Морозкѣ—живомъ существѣ—исподволь вплетаются мотивы семейнаго нестроенія—взаимоотношеній мачехи и падчерицы, народное пониманіе высшей справедливости, торжество добра надъ зломъ), и форма все совершенствуется.

И современный поэтъ, творецъ художественной сказки, пользуется ея эластической емкостью для наполненія своимъ личнымъ содержаніемъ, дающимъ типичный отвѣтъ для многихъ, волнуемыхъ тѣмъ же вопросомъ. Подъ этой формой можно изображать, освѣщать многое такое, что инымъ путемъ не нашло бы себѣ доступа къ уму и сердцу человѣческому. Вспомнимъ „Дѣвочку со спичками“, призадумаемся надъ „Мальчикомъ у Христа на елкѣ“—и мы поймемъ всю обаятельную мощь этой формы поэзіи. Вспомнимъ объ Иванушкѣ—дурачкѣ русскихъ народныхъ сказокъ, о его незлобivosti, простотѣ, наивности, открывающей ему двери тамъ, гдѣ онѣ плотно закрыты для остальныхъ—„умныхъ“, и мы поймемъ, какое глубокое самоопредѣленіе далъ въ этомъ образѣ русскій народъ, поставивъ доброе сердце, незлобivость, смиреніе, скромность единицей, а всѣ прочія сокровища—нулями, къ ней приписываемыми справа. Это—мѣрило народной этики.

Сидитъ этотъ Иванушка сиднемъ на печи, силушку бережетъ—накопляетъ, а всталъ съ печи да сѣлъ на свою сивку-бурку и сталъ такимъ молодцомъ, „что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать“.

Сидитъ и Илья-Муромецъ сиднемъ 30 лѣтъ и 3 года, пока калики перехожіе не напоили его питьемъ чудеснымъ, и почувялъ онъ въ себѣ „силушку великую“ и принялся за подвиги богатырскіе.

— Многое изъ техники сказочной перешло и въ **былинную**, и помогло былинѣ пошире взмахнуть крылами въ смыслѣ самоопредѣленія личности, выдѣленія личности могучей изъ толпы заурядныхъ. Имена, индивидуальныя облики этихъ героевъ, по тогдашнему уровню дифференціи, разумѣется, не могли быть опредѣленны: это лишь представители намѣтившихся разнообразныхъ общественныхъ группъ, классовъ, профессій (воина, земледѣльца, купца). Былина—это выраженіе быта народнаго, вѣковѣчной глубины его жизни. Нынѣ она ужъ почти не родится на нивѣ народной, но, конечно, творчество народное не вымерло: оно выливается въ т. наз. „частушкѣ“—„злобѣ дня мимолетной“.

И эта форма—былинная—на-ряду съ болѣе поздней, —**исторической пѣс-**

ней, уже рисующей—через призму народной идеализации—определенных, исторических лиц и исторических события определенного времени,—широко использована в личном художественном творчестве. Вспомним чарующия „былины“ А. К. Толстого, хотя-бы „Василия Шибанова“, припомним целый ряд героических поэм, приведем на память „Тараса Бульбу“, и генетическая связь творчества народного и личного обозначится яркой полосой.

§ 9. Проснувшееся в народѣ стремление къ самоопредѣленію, къ обрисовкѣ личности нашло себѣ первоначальный исходъ въ сказкахъ о животныхъ, выросшихъ у нѣкоторыхъ народовъ въ цѣлый „животный эпосъ“, въ свою очередь послужившій основой новымъ искусственнымъ формамъ разросшейся аллегоріи—въ видѣ притчи и особенно **басни**.

Все болѣе прояснявшееся и крѣпнущее самоопредѣление положило исподволь рѣзкую грань между человѣкомъ и животнымъ, и приемы „животно-героическаго“ эпоса создали просѣку для былиннаго—героическаго. —А ужъ на этомъ послѣднемъ выросли многочисленные пышные цвѣты искусственнаго эпического творчества (героическія поэмы, повѣсти, идилліи, романы). Останки мифологіи, чудеснаго, мистическаго, хранившіеся въ разнообразныхъ твореніяхъ народныхъ, нашли себѣ приютъ въ балладахъ.—Этапы историческаго пути народной мысли и жизни отлились въ удивительную по краткости и глубинѣ форму **поговорки** и **поговорицы**, а стремление воспитать силу находчивости, остроумія, сближенія разнороднаго—столь важныхъ орудій познания—создало **загадку**. Этими формами въ неприкосновенности пользуются всѣ слои народа, творчество безыскусственное и художественное. (Послѣднее пополняетъ эти запасы отложенной вѣками народной мудрости. Такъ, изъ басни Крыловской „Пустынникъ и Медвѣдь“ отложилось нѣсколько выраженій ходячихъ и даже новый эпитетъ къ слову „услуга“—медвѣжья, то же дали и нѣкоторые другія его басни, а „Горе отъ ума“ Грибоѣдовское пустило въ оборотъ цѣлый рядъ перловъ этого рода).

§ 10. Бросимъ хотя самый бѣглый взглядъ на процессъ вызрѣванія формъ искусственнаго эпоса изъ безыскусственнаго.

Поэма выросла на почвѣ народной эпосеи, объединившей въ цѣлые циклы народныя былины, сказанія о народныхъ герояхъ и ихъ подвигахъ. (Таковы извѣстнѣйшія всѣмъ „Иліада“ и „Одиссея“, приписываемыя слѣпому мифическому Гомеру; этимъ образцамъ стали подражать въ извѣстную пору т. н. ложноклассицизма всѣ культурные народы. Въ началѣ поэма занята героями и именуется героической или историко-героической („Полтава“ Пушкина, „Тарасъ Бульба“ Гоголя, „Пѣсня про купца Калашникова“ Лермонтова); затѣмъ она становится бытовой и воспѣваетъ сильную идеальную личность („Мцыри“ Лермонтова). Дальше идутъ перерожденія ея въ другія, ближайшія формы эпоса—баллады, повѣсти, романы.

Баллада иногда почти у грани поэмы („Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина, „Василій Шибановъ“—А. Толстого и др.), рисуется въ краткомъ видѣ историческихъ героевъ, перерабатывая народныя героическія пѣсни; на дальнѣйшихъ ступеняхъ въ ней рѣзче обрисовывается ея характерный признакъ—необыкновенность, фантастичность сюжета, способствующій сохраненію тона поэмы—приподнятаго („Власъ“ Некрасова, „Анчаръ“ Пушкина); иногда самая природа, обстановка способствуютъ созданію, возникновенію такого чувства жуткости, смутной тревоги въ душѣ („Людмила“ Жуковского, „Бѣсы“ Пушкина, „Утопленникъ“ его же, наконецъ Гоголевскія „Вечера на хуторѣ“ и „Вій“, стоящіе на распутьи, между фантастической балладой и реальной повѣстью).

Романъ еще у грани поэмы бытовой, реальной по—преимуществу; дѣйствующія лица въ немъ понынѣ именуются „героями“. И онъ, дѣйствительно, нерѣдко занятъ судьбою цѣлыхъ общественныхъ эпохъ (каковы Тургеневскіе романы, романы Достоевскаго, Л. Толстого), или воскрешаетъ историческую эпоху (родоначальникомъ такихъ историческихъ романовъ является Вальтеръ Скоттъ). Во время своего зарожденія—въ средніе вѣка—это былъ родъ сказки—повѣсти, наполненной чудесными похождениями рыцарей, написанной „романскою“ (смѣшеніе простонароднаго латинскаго и галльскаго языковъ) прозою. Въ постепенномъ совершенствованіи форма эта сдѣлалась очень гибкою, пригодною для наполненія чрезвычайно разнообразнымъ содержаніемъ. Подъ могучимъ рѣзцомъ крупныхъ художниковъ форма эта достигаетъ дивнаго совершенства: въ нее легко и свободно вливаются историческія темы, и политико-общественныя, и чисто бытовыя, съ постепеннымъ ступеневываніемъ героизма въ герояхъ и ослабленіемъ идеализаціи ихъ („Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина—типичный романъ новаго времени). Это излюбленная форма творчества XIX вѣка, вѣка индивидуализаціи; это излюбленная форма мысли, созданная интеллигенціей для отливки въ нее своего содержанія въ зависимости отъ духовныхъ теченій среди нея; это, наконецъ, наилучшій пріемъ поэтической мысли для выясненія понятій типичности и конкретности. По направленію къ настоящему романъ мельчаетъ, переживаетъ самъ себя; на смѣну ему идутъ новыя формы (очерки, рассказы, эскизы, этюды и т. п.).

Повѣсть близка къ роману семейному по—преимуществу: если предъ нами повѣсть историческая, то въ ней историческое является лишь канвой, а узоръ вышивается событіями личной жизни („Капитанская дочка“ Пушкина); любовное начало въ ней даже на раннихъ сравнительно ступеняхъ не обязательно, въ противоположность „роману“, сдѣлавшемуся своего рода техническимъ терминомъ. Самое названіе „повѣсть“ (или „сказаніе“) русской письменности вѣдомо еще съ начала ея („Повѣсть временныхъ лѣтъ“—заглавіе нашей лѣтописи), а Русь XVII—XVIII вѣковъ знаетъ уже самостоятельныя бытовыя повѣсти, не говоря о переводныхъ, очень рано заходившихъ къ намъ.

Въ пору идеализаціи сельскаго, простаго быта интеллигенціей, отошедшей отъ земли, отъ природы, замкнувшейся въ узкихъ городскихъ стѣнахъ, является повѣсть—**идиллія** („Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя, „Рыбаки“ Григоровича и проч.) и собственно идиллія—въ стихахъ („Отставной солдатъ“ Дельвига, „Сельскій вечеръ“ Жуковскаго и т. п.).

Вотъ и весь поэтическій эпосъ.

§ 11. **Лирика** шла тѣмъ же путемъ: отъ „массоваго“, безличнаго творчества къ личному, художественному, индивидуальному.

Такъ какъ содержаніемъ лирики служить внутренній міръ пѣвца, творца пѣсни, естественно, между лирикой народной и искусственной, должно существовать замѣтное различіе.—Горе и радость, тѣ или иныя чувства творца и тамъ и здѣсь—все, но въ народной лирикѣ всякое чувство выражено способомъ, близкимъ къ объективному, эпическому: плача для похоронныхъ причитаній м. б. нанята,—вырабатывается типичная форма погребальной заплачки для каждаго особливаго случая (по брату, по сестрѣ, по мужу и проч.), скорбь—дѣвушки при выдачѣ замужъ выливается въ форму, принятую для всѣхъ дѣвушекъ данной мѣстности (разновидности обуславливаются данными языка, мѣстности и проч., но не субъектомъ-творцомъ). Только колыбельная пѣсня народная въ высокой степени разнообразна, индивидуальна: мать наединѣ, внѣ оковъ обряда, сложившагося уклада, свободно изливаетъ свою душу у колыбели ребенка—своего счастья, гордости, предмета мечтаній, источника идеаловъ.—Искусственная же лирика всякаго творца особливая, и по ея мелодіи мы отличаемъ поэта. Если она родная и для насъ,—другихъ личностей,—всякій разъ по-новому, въ примѣненіи къ иной обстановкѣ,—такъ это потому и постольку, поскольку поэтъ и мы—родные душой, въ тонѣ настроенные инструменты.

§ 12. Вполнѣ понятно, что **мелодія рѣчи**, ея ритмъ, ея риѐма, размѣръ стиха играютъ въ лирикѣ выдающуюся, первостепенную роль, какъ тончайшія средства для передачи во-внѣ разнообразныхъ чувствъ и настроеній поэта, составляющихъ содержаніе всякаго лирическаго произведенія *). Здѣсь, поистинѣ,—„тонъ дѣлаетъ музыку“. И поэтому языки, строящіе свою музыкальность стиха на различіи тоновъ, (т. наз. **тоническое** стихосложеніе—у русскихъ и нѣмцевъ, въ противовѣсъ **метрическому** древне-классическаго міра, основанному на чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ, и **силлабическому**—слоговому—въ языкахъ, какъ французскій, польскій, съ прикрѣпленнымъ навсегда къ опредѣленному слогу удареніемъ), дали наиболѣе разнообразные и совершенные образцы лирики.

Вотъ **схема** русскаго **стихосложенія**.—Всѣ наши слова бываютъ по тому или иному сочетанію высокихъ и низкихъ тоновъ, иначе—по раз-

*) А порою размѣръ стиха рѣшаетъ сомнѣніе и о смысловой сторонѣ, о т. наз. логическомъ удареніи, такъ въ стихѣ „И кажется, что въ этомъ“ (изъ „Горе отъ ума“) логич. ударенія на **что** не можетъ быть: нарушается ямбъ.

нообразію удареній, пяти типовъ (водá, вѣды, Гѣсподи, горѣдитъ и городи). Всякое сочетаніе высокаго тона съ низкимъ (или низкими) носитъ названіе **стопы***): двусложной или трехсложной (двусложныя: ямбъ (—) и хорей (—)) и трехсложныя: дактиль (—), амфибрахій (—) и анапестъ (—)**).—Различныя комбинаціи этихъ стопъ въ связи съ тремя разнообразными **риемами** (т. е. созвучіями стопъ въ послѣднихъ словахъ стиха, чередующихся въ извѣстной послѣдовательности—строка за строкой, черезъ строку, черезъ двѣ и т. д.),—т. наз. **мужскими**,—на послѣднемъ слогѣ (упаль—возсталъ), **женскими**—на второмъ отъ конца (склонила—уронила) и **дактилическими**—на третьемъ (голоднаго—свободнаго),—даютъ такое разнообразіе мелодій, напѣвовъ, что въ нихъ находятъ себѣ мѣсто любое изъ настроеній поэта, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ вслухъ нашихъ лириковъ. Такъ, ямбъ и анапестъ въ сочетаніи съ мужской риемою даютъ бодрый, мажорный тонъ (свойственный напр., одамъ); хорей и ямбъ съ женской риемою передаютъ вялость, упадокъ силъ, грусть, иногда нѣжность, задумчивость. Амфибрахій—размѣръ уравниженности, солидности. Дактилическая риема—признакъ угнетеннаго состоянія духа. (Для примѣра вспомнимъ Лермонтовское „Тучки небесныя, вѣчныя странники“)...

— **Народное стихосложеніе** въ основѣ своей, конечно, такое же, какъ и наше художественное—всецѣло плодъ изученія родной рѣчи, „прислушиванія къ говору просвирень“, къ „гласу народа“. Отличительная черта его—выдвиганіе въ каждомъ стихѣ впередъ какого-либо одного слова, снабженнаго логическимъ удареніемъ („Ужъ какъ **паль** туманъ на синеморе“...). Кромѣ того, здѣсь паузы дробятся, превращаясь изъ половинныхъ и третнихъ художественной мѣрной рѣчи въ четвертныя и восьмыя; риема здѣсь не обязательна,—она характерна лишь для тоновъ комическихъ. („У котика, у кота—Была мачеха лиха, Она била кота, Приговаривала, На всѣ стороны оборачивала“—Шейнъ).

§ 13. И лирика, какъ и эпосъ, корни свои имѣетъ въ языкѣ, въ творествѣ народномъ, въ пѣсняхъ обрядовыхъ (выражающихъ молитвенныя движенія души народной), бытовыхъ, въ частности—семейныхъ (свадебныхъ, колыбельныхъ, погребальныхъ и др.), но отъ источниковъ своихъ художественная лирика ушла очень далеко. Въ послѣдней содержаніемъ является исключительно внутренній міръ автора, его настроенія, его чувства (радости горести, негодованія и проч.). Индивидуальность, личность играютъ здѣсь рѣшающую исчерпывающую роль, тогда какъ въ лирикѣ народной личной близко къ общему, лирика—еще въ поляхъ эпоса.—Наиболѣе соприкасаются между собою пѣсня народная и пѣсня художе-

*) Т. е. удара стопою, такта, отбиваемаго въ музыкѣ ногою.

) **Ямбъ—стихъ—размѣръ насмѣшки, зубоскальства, **хорей**—стихъ хора; **дактиль** прозванъ по формѣ своей—„указующаго перста“; **амфибрахій**—буквально „обоюдокороткій“; **анапестъ**—ударъ на послѣднемъ слогѣ.

ственная, взлелѣнная культурными побѣдами на дичкахъ народныхъ,— поэтами—„самоучками“, вышедшими изъ народа,—Кольцовъ, Никитинъ, Суриковъ и др.

§ 14. Въ зависимости отъ того, какое изъ чувствъ захватываетъ въ минуты творчества поэта, служить истокомъ его души, художественная лирика распадается на 3 отдѣла: оду (восторженное настроеніе, приподнятый, мажорный тонъ), элегію (скорбь, грусть, сожалѣніе объ утраченномъ идеалѣ заставляютъ звучать музыкальную душу поэта въ минорѣ) и сатиру (негодованіе, отвращеніе; острая боль души даетъ возможность соединенія обоихъ тоновъ).

Ода—чуждое народному укладу исключительное творчество; только въ молитвенныхъ экстазахъ оно въ большей или меньшей мѣрѣ знакомо почти всѣмъ народамъ: гимны духовные, псалмы вѣдомы почти всѣмъ, а свѣтскіе національные гимны („Боже царя храни“, Die Wacht am Rhein, марсельеза и проч.)—своего рода уники, а Державинская ода „Богъ“ занимаетъ, пожалуй, и совсѣмъ одинокое положеніе. Оды патріотическія (въ родѣ Лермонтовскаго „Бородино“ или „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина, Языкова „Епатій Коловратъ“)—болѣе частое явленіе, но онѣ рѣдко не впадаютъ въ искусственность, и тѣмъ подписываютъ свой смертный приговоръ.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ—это область пафоса, т.-е. особой формы прозы, бьющей на чувство (рѣчи духовныя, судебныя, ораторскія).—Ода—богатое поле для изученія т. наз. „ложноклассическихъ“ теченій въ области теоріи и исторіи литературы.

Элегія и сатира—два полюса лирической поэтичности: элегія наиболѣе близка къ идеалу лирики—границы музыки; это—дуновеніе души, исполненной „божественнымъ глаголомъ“, далекой отъ юдоли земной; сатира же лишь въ исключительныхъ случаяхъ близка къ чистому безпримѣсному потоку глубинныхъ движеній души; б. ч. это—чувство, загрязненное эгоизмомъ, себялюбіемъ (—это вѣдь нѣчто весьма далекое отъ индивидуализма и идеализма личнаго!),—а потому нерѣдко приближающееся къ стихамъ—прозѣ, порою подкрашиваемой грязцой жизни самого составителя такой сатиры.—Нужно быть гигантомъ духа, чтобы такое негодованіе по поводу окружающихъ нестроеній жизни, не осталось выраженіемъ личнаго недовольства, а превратилось въ типичное, въ общественное возмущеніе общественнымъ же недугомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ сатира—гигантъ!—Вѣдь лирика тоже даетъ типы, только не внѣшняго міра, а внутренняго—настроеній, чувствъ, движеній души, волненій горячаго, любвеобильнаго сердца поэта, въ унисонъ съ коимъ бьются тысячи сродныхъ.

§ 15. Вѣнцомъ въ развитіи индивидуальнаго творчества является драма, получавшая такую разносторонность, и многообъемлемость, что по-

дасть поводъ одному изъ новѣйшихъ изслѣдователей „природы драмы“ (М. Фогту) почестъ ее за „самостоятельное искусство, имѣющее столько же общаго съ поэзіей, сколько и съ живописью и музыкой“.

Изъ трехъ основныхъ видовъ драмы (трагедія, собственно драма и комедія), наиболѣе живучей оказывается **комедія**, въ силу широты своего захвата.

Трагедіей и драмой уготовляется ей путь. Въ эпоху отчаянной борьбы личности съ силами стихійными, судьбою, рокомъ,—въ этой борьбѣ титановъ, въ борьбѣ міровъ личнаго и стихійнаго (Прометей, Антигона) въ которой въ началѣ всегда погибаетъ, хотя и доблестно, человѣкъ, отвоювавъ для другихъ людей частицу „божественнаго огня“, создаются и зрѣютъ зерна **трагедіи**. Со смѣной міросозерцаній мѣняются, конечно, формы, виды „стихійныхъ противниковъ“ человѣка, мѣняются приемы борьбы съ ними. А сущность трагедіи все та же: герой—человѣкъ, отстаивающій человѣческое „я“ вплоть до самоотреченія, до самопожертвованія, до потери своего земного бытія, падаетъ сраженнымъ въ этой борьбѣ, но знамя его поднимаетъ другой борецъ, новая могучая особь рода человѣческаго. Мѣнялся міръ въ пониманіи человѣка послѣ ряда завоеваній этихъ героевъ, и борьба идетъ еще по-новому: выступаетъ рядъ героевъ—борцовъ въ отдѣльныхъ областяхъ, завоеванныхъ уже духовной мощью человѣка. Дробятся могучія силы природы въ новомъ пониманіи, дробнѣй становится и герой—борецъ; мельче борьба, мельчаютъ и борцы. Борьба міровая смѣняется народной, національной, долгъ человѣка смѣняется долгомъ гражданина, сына своего отечества. Далѣе—мѣсто общины занимаетъ родъ, семья; наконецъ—личность, особь какъ все—человѣкъ и даже „сверхчеловѣкъ“. Отсюда—личный подвигъ, личный долгъ, становящійся важнымъ, великимъ въ зависимости отъ величины личности. Если послѣдняя грандіозна,—ея личная борьба—**типична**, имѣетъ общественное, общегосударственное, а б. м. и общечеловѣческое значеніе. Возможна и на этой стадіи трагедія, но лишь въ исключительныхъ, по крайней мѣрѣ—рѣдкихъ—случаяхъ (въ „Макбетѣ“—стихійная сила страсти, залитая кровью, въ „Королѣ Лирѣ“—личная гордыня, могучая, властная,—подъ рѣзцомъ великаго Шекспира претворяются въ захватывающіе общечеловѣческіе трагическіе образы). На смѣну трагедіи идетъ уже **драма**, т. е. просто дѣяніе, дѣйствіе, подвигъ,—уже безъ рокового исхода борьбы. Борцы уже борются „не на животъ и не на смерть“, однако за важное, серьезное дѣло, рѣшеніе, скажемъ, мірового вопроса—о законѣ тяготѣнія, напр.; всю жизнь свою герой отдаетъ наукѣ и благополучно, мирно кончаетъ свою жизнь маститымъ старцемъ. Вся жизнь отдана наукѣ; много борьбы было съ личными стремленіями, страстями, съ препятствіями внѣшними, съ непониманіемъ, съ невѣжествомъ—и все же это уже—не трагедія.

Но это все еще область **героизма**, требующая от дѣйствующих лицъ извѣстной высоты, положенія надъ толпой, высоко надъ уровнемъ ея.—Дальше начинается область героевъ обыденности; тутъ—грань пошлаго, смѣшного,—порогъ **комедіи**, гдѣ герои „идутъ на муку съ обухомъ“: усилія въ борьбѣ потрачены огромныя, героическія, борьба—можетъ быть отчаянная (вспомнимъ фонвизинскую Простакову—мать Митрофанушки); пожалуй—героическая, но противникъ ничтожный, стремленія борющихся мелко-эгоистичны, пусты. Въ результатѣ—**смѣхъ**,—этотъ благородный, **герой комедіи**, очищающій душу зрителей (читателей), подобно тому какъ въ трагедіи и драмѣ **состраданіе** (т. е. страданіе вмѣстѣ съ героями, переживание съ ними ихъ душевныхъ состояній) встряхиваетъ душу, очищаетъ ее въ горнилѣ отъ „скверны“ жизни.

По широтѣ своего захвата комедія ближе къ трагедіи: она можетъ затрагивать событія и мірового, общественнаго значенія (Горе отъ ума, Недоросль, Ревизоръ), а по широтѣ захвата круга зрителей (читателей) она далеко властнѣе: ее смотрятъ съ удовольствіемъ, хотя и поверхностнымъ, многіе и изъ тѣхъ, кого она, по степени ихъ развитія, не можетъ тронуть въ глубинахъ духа, кого не можетъ очистить; не говоря ужъ о томъ, что для переживания—пониманія трагедіи нужно и слушателю не быть лишеннымъ струйки идеализма, душевнаго огонька, межъ тѣмъ какъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ и немощахъ духовныхъ доступно всякому, лишь бы проснулось сознаніе своей грѣховности: кто посмѣялся надъ своимъ недугомъ, тотъ сталъ выше,—надъ нимъ, отошелъ отъ него хотя на шагъ. Таково огромное воспитывающее значеніе комедіи для широкой публики и потому не удивительно, что, возникнувъ въ очень давнія времена, она понынѣ не теряетъ своей властности въ самыхъ разнообразныхъ культурныхъ средахъ.

Какъ исподволь зрѣли и вызрѣвали формы разнообразныхъ приѣмовъ поэтическаго мышленія, какъ выросли современныя разновидности поэтическихъ произведеній (а равно—и научно-литературныхъ),—это,—область **исторіи** литературныхъ формъ, область исторіи литературы. Ею должны быть поставлены и разработаны два основныхъ вопроса (нынѣ попадающихъ отчасти въ **теорію** словесности): какъ возникъ и выросъ тотъ или иной литературный образъ (типъ) и какъ имъ пользовались, „примѣняли“ къ своимъ житейскимъ насущнымъ потребностямъ въ разное время и какъ пользуются нынѣ. Разобраться въ томъ, что это за произведеніе по своей структурѣ, даетъ возможность теорія словесности, а установить его исторію, выяснить личность творца-художника, прослѣдить жизнь произведенія (его оцѣнку) въ потомствѣ—дѣло исторіи литературы.

Методологическая страничка.

1. Основа, фундаментъ теоріи словесности—предварительное накопленіе литературныхъ впечатлѣній и развитіе хотя элементарнаго художественнаго чувства.

2. Отсюда—необходимость создать такой фундаментъ заблаговременно: въ учебныхъ заведеніяхъ съ младшихъ классовъ еще—путемъ тщательнаго разучиванія и толковаго, выразительнаго произношенія образцовъ всѣхъ видовъ поэзіи; а для приступающихъ къ самостоятельному изученію теоріи словесности—предварительное обильное чтеніе вслухъ поэтовъ-художниковъ, пока не будетъ улавливаемъ „напѣвъ“ (Leitmotiv), характерный, своеобразный для каждой крупной величины въ этой области.

3. Если такого базиса нѣтъ, приходится его устанавливать: начинать знакомство съ самымъ образцомъ (типичныхъ, конечно), отгѣняя при чтеніи на урокъ характерное, существенное для даннаго вида поэзіи и предлагая учащимся извлекать и объединять характерныя черты въ возможно сжатой формѣ (соблюдая, разумѣется, основныя требованія стиля).

4. Все познанное прежде должно быть привлекаемо всякій разъ во вновь познаваемое, въ изучаемое такъ, чтобы одно обогащалось другимъ.

5. Образцовъ въ текстѣ почти совсѣмъ не приводятся потому, что всякій учащійся (даже безъ особыхъ усилій со стороны руководящаго) легко подыщетъ соотвѣтствующій матеріалъ или въ своей памяти, или въ имѣющихся уже, доступныхъ и въ достаточной мѣрѣ удовлетворительныхъ спеціальныхъ хрестоматіяхъ. (Изъ новыхъ можно указать на „Теорію словесности и хрестоматію“ А. Шалыгина). Помѣщеніе образцовъ въ текстѣ, помимо приведеннаго основанія—ненужности ихъ—считаю и непедагогичнымъ: ими заслоняется отъ вниманія существенное,—текстъ теоріи, требующій для себя сосредоточеннаго вниманія. Передачу же „своими словами“ въ текстѣ содержанія художественныхъ произведеній считаю приѣмомъ положительно нецѣлесообразнымъ. Умышленно избѣгаю рѣчи (и особенно образцовъ) о различныхъ неправильностяхъ рѣчи (архаизмы, неологизмы, варваризмы и проч.), т. к. у великаго мастера слова эти „неправильности“ могутъ оказаться умѣстными и даже необходимыми, а въ устанавливаемомъ стилѣ они м. б. лишь „палкой въ колесѣ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Русскій языкъ:

§ 1. Очеркъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ	5
§ 2. Языкъ образованнаго русскаго общества	5
§ 3. Положеніе русскаго языка среди родственныхъ ему языковъ.	6
§ 4. Образованіе нарѣчій великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго	6
§ 5. Основныя фонетическія и морфологическія особенности языка др.-церковно-славянскаго въ сопоставленіи съ особенностями русскаго языка.	8
§ 6. Вліяніе на русскій языкъ древне-церковно-славянскаго	12

II. Теорія словесности:

§ 1. Дѣленіе состава живого языка (слова образныя и безобразныя; роль тѣхъ и другихъ)	15
§ 2. Понятіе о стилѣ и основныя требованія стилистики.	16
§ 3. Способы систематизаціи познаваемого.	16
§ 4. Сочиненіе и его части	17
§ 5. Основы повѣствованія, описанія и разсужденія	18
§ 6. Пути сплетанія прозы и поэзіи	19
§ 7. Способы изобразительности.	19
§ 8. Основы подраздѣленія поэзіи на эпось, лирику и драму.	21
§ 9. Переходъ отъ эпоса безыскусственнаго къ искусственному. Басня.	23
§ 10. Поэма. Баллада. Романъ. Повѣсть. (Идиллія)	23
§ 11. Понятіе о лирикѣ и ея дѣленіе	25
§ 12. Мелодія мѣрной рѣчи. Схема стихосложенія	25
§ 13. Лирика народная и искусственная и ихъ взаимоотношеніе.	26
§ 14. Виды лирики искусственной, ода, элегія, сатира.	27
§ 15. Драма, (трагедія, собственно драма, комедія) и характеристика ея видовъ Заключеніе.	27
Методологическая страничка	29

